

Федор ВОСТРИКОВ
ВЕЧНОСТЬ

ВЕЧНОСТЬ

Седые храмы.

Катится река.

К реке березы приспустили кроны.
Шестнадцатый, семнадцатый века
Встречают колокольным перезвоном.
Слетает с круч забвения туман,
Клубится небосвод бездонной синью.
И оживают тени прихожан,
И оживает древняя Россия.

Ни прошлого, ни будущего нет.
В лесах ветра творят переполохи,
С небес ручьится дивный Божий свет —
В миру соединяются эпохи.

* * *

Ветра на отдых спрятались в копне.
Нависли тучи. Небо отзвездилось.
И незаметно в черной тишине
Столетье двадцать первое забылось.

И путается Сороть в камыше,
И выдохся соловушка заречный,
И что-то откликается в душе,
Когда в ночи подумаешь о вечном.

Сплошная темень ползает, ворча,
Да невозможно разобрать ни слова.
Но — светится в Михайловском свеча, —
Должно быть, Пушкин пишет «Годунова».

Федор Сергеевич Востриков — член Союза писателей России с 1993 года; автор 17 поэтических сборников. Лауреат премии Пермской области в сфере культуры и искусства (1999). Награжден юбилейным памятным знаком за книгу «За осенью осень» в связи с 200-летием А. С. Пушкина (1999).

МИХАЙЛОВСКИЕ РОЩИ

Шумят михайловские роши,
Да не шумят, а даль поют.
И чем древней они, тем проще,
Зовут в извечный свой уют,
Где живы графы и крестьяне,
И первозданный дом и двор.
За самоваром Пушкин с няней
Ведут сердечный разговор.
Фольклором, песней, рукодельем
Пленяет Пушкина она.
А в гости едут Пушин, Дельвиг —
И вновь пирушка допоздна.
В речах гудит лицей, как пчельник,
Друзья, какая ссылка тут,
Когда, как прежде, в час вечерний,
В Тригорском Осиповы ждут?!
Скорей коня! Долой волнение!
На плечи плащ, и за порог.
Летит он к чудному мгновенью,
Влюбленный дерзостный пророк.
В душе «Онегин» и «Цыганы»,
«Арап Петра» в душе кипит,
А всадник скачет сквозь туманы,
Сквозь время вешнее летит.
Бессмертье вихрем плащ полощет,
А Пушкин мчится, гой еси!..
Шумят михайловские роши,
Да так, что слышно всей Руси!

* * *

Озеро Кучане шелохнулось —
Ткнулась в берег первая волна.
Вздрогнув, цапля в камышах проснулась,
В липах затерялась тишина.
Незаметно солнце просочилось
Сквозь шатры деревьев вековых.
Утро впрямь такое ж получилось,
Как в годах михайловских былых.
Мир запел легко, разногласо
Птахой, Соротью и петухом.
Роши, ветром стряхивая росы,
Задышали пушкинским стихом.

СВЯТОГОРЬЕ

Святые Пушкинские горы,
Приют вселенского певца,
Где слову, музыке и хору
Ни края нету, ни конца.
Звенит природа и клокочет,
В себя вобрав холмы и лес,
Пока к середине душевной ночи
Не вознесется до небес.
Творец всему — поэт всеильный,
Во тьме не канувший во тьму.
Не зря дороги всей России
Ведут, как к Господу, к нему.

УСТЬ-ГАРЕВАЯ

Ласкиной З.И.

Кама баюкает в волнах луну.
Усть-Гаревая отходит ко сну.
В росных садах, что напротив реки,
Тихо ведут перекличку сверчки.

Ветер, пропахший иргой и травой,
Еле шевелит рябинной листвою.
Грузный крыжовник топоршит усы.
За городьбой не шелохнут овсы.

Стежка прилипла к равнине строкой.
Миром полуночным правит покой.
Небо чернилами сплошь затекло,
И утонуло в чернилах село.

Спят беспробудно избушка к избе,
Светят по звездочке в каждой трубе.
Усть-Гаревая до срока тиха —
Видно, боится проспать петуха.